

веня и ранних этапов кочевничества в Азии // Советская этнография. 1973. № 1; Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989 и др.

⁵ См.: Марков Г. Е. Кочевники Азии. Глава VI.

⁶ См.: Марков Г. Е. Развитие современной германской этнологии // Этнография за рубежом. М., 1979. С. 166, 167.

⁷ Ср. Калиновская К. П., Марков Г. Е. Скотоводы Азии и Африки. Проблемы исторической типологии и периодизации // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1983. № 5.

⁸ Семенов Ю. И. О некоторых проблемах первобытности // Советская этнография. 1968. № 4.

⁹ Ср.: Марков Г. Е. Кочевники Азии. С. 312, 313.

¹⁰ Там же. С. 288 и сл.

¹¹ Например: Марков Г. Е. Кочевники Азии. С. 241—279.

¹² Тольбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVIII — начале XX в. Алма-Ата, 1959 (2-ое изд. 1971).

¹³ Марков Г. Е. Кочевники Азии... Автореф. дис. д-ра ист. наук.; см. также: Андрианов Б. В., Марков Г. Е. Хозяйственно-культурные типы...

Г. Е. Марков

* * *

Книга Н. Э. Масанова охватывает широкий спектр проблем, связанных с исследованием номадизма; в ней рассмотрены и система материального производства, и общественные отношения. Хотя книга посвящена кочевничеству у казахов, автор привлек огромный материал, относящийся к разным народам и эпохам, начиная с возникновения кочевничества. Подчеркивая, что «... ни по одному из вопросов истории номадизма среди исследователей нет единства мнений и общности подходов» (с. 163), Н. Э. Масанов стремится дать свою оценку высказанным гипотезам, решительно отвергая все, что, на его взгляд, противоречит фактическим данным.

Появление номадизма, считает автор, может быть понято только при учете особенностей природной среды: «Среди основных факторов, которые детерминировали возникновение номадизма, следует выделить прежде всего природно-климатические» (с. 29). Особенности окружающей среды и в дальнейшем были главным условием существования кочевничества, ибо оно «оставалось единственно возможным и наиболее оптимальным способом жизнедеятельности человека в условиях аридной зоны Евразии» (с. 73). Ограничения, которыми природа определяет хозяйственные занятия человека, сохраняются и в современную эпоху: «... Процессы седентаризации в ареальных экосистемах принципиально невозможны... и никогда в исторически обозримое время не имели места... В ареалах номадизма оседание никогда не имело природной и материальной базы и даже в условиях индустриального общества нет альтернативы кочевничеству...» (с. 42). Здесь трудно что-либо возразить. Целесообразность экстенсивного скотоводства в аридной зоне очевидна, поэтому современные концепции государственной экономики должны быть направлены не на устранение кочевничества, а на поиски наиболее разумных форм приспособления кочевничества к условиям технологической цивилизации.

Огромный интерес представляют разделы книги, в которых подробно рассмотрен производственный цикл кочевого хозяйства. Автор останавливается на биологических особенностях животных, которые по существу определяют характер производственных работ, их специфику в разное время года. Убедительно обоснована мысль о взаимозависимости видов животных, с древности составляющих стада кочевников (овцы, козы, лошади, верблюды и крупный рогатый скот). Приведенные в книге материалы разъясняют, чем вызван раздельный выпас разных видов животных, неодинаковый характер перековки и организации труда в целом в разные сезоны, раздельное содержание лошадей и других видов скота зимой и т. д. Без этих сведений, раскрывающих сам механизм хозяйственной деятельности, кочевничество просто не понять. В книге Н. Э. Масанова впервые дана столь полная и детальная картина производственного цикла номада. Критикуя предположения некоторых ученых, выделявших стадии, которые будто бы проходило в своем развитии кочевничество (с. 39—41), автор хорошо показывает уязвимость теорий, сконструированных без учета конкретных потребностей материального производства. Процесс труда, по его мнению, должен быть положен в основу типологии кочевого хозяйства. Он считает наиболее правильной типологию, отражающую особенности водопользования: «...именно наличие водных источников определяло самую возможность существования номадизма» (с. 79). «Можно говорить о двух типах кочевого скотоводческого хозяйства: во-первых, естественного и, во-вторых, искусственного водопользования» (с. 80). Обосновывая такую типологию, Н. Э. Масанов разъясняет, как влиял каждый способ водопользования на характер производственной деятельности, на производственные отношения в среде номадов.

Производственный цикл номада Н. Э. Масанов связывает не только с природной средой. Условием повседневной работы скотовода являются и устоявшиеся отношения между группами людей: «... Сам факт посезонной организации процесса производства, а следовательно, посезонного использования пастбищных угодий, является, на наш взгляд, ярким доказательством естественно и объективно существующей системы регулирования поземельных отношений в масштабах всего номадного общества» (с. 87).

Исследователи социальных отношений в кочевой среде теперь обязаны будут принимать во внимание взгляды Н. Э. Масанова на особенности общественной структуры номадов. Его отказ от термина «родо-племенная организация» с заменой его термином «патронимическая организация» (с. 145) может и не получить поддержку коллег, так как «патронимия» имеет иное содержание, и лучше не вносить путаницу в язык науки, наделяя устоявшиеся термины новым смыслом. Однако термин

«ассоциативная группа», скорее всего, будет принят, так как выделяет реальный круг «родо-племенных групп», которые связаны между собой отношениями, основанными на упорядочении хозяйственной деятельности. «В кочевой среде существовала специфическая организация, объединявшая различные общинные группы и регулировавшая их взаимоотношения по поводу системы землепользования, распределения пастбищных угодий и водных источников, кочевых маршрутов» (с. 150). Для этой общины Масанов и предлагает термин «ассоциация общин», либо «ассоциативная группа». В ней Масанов видит важную социальную единицу, которая составляла основу системы землевладения и землепользования. Она «была прямым и непосредственным собственником всех пастбищных площадей, на территории которых в летнее время располагались составляющие ее части». В связи с выделением этой группы следует понимать и указания источников на то, что «ханами, старейшинами регулировалась система кочевания и землепользования» (с. 153). Масанов полагает, что здесь не может быть речи о регламентации системы кочевания («поскольку в условиях кочевого хозяйства экономическая целесообразность и сезонная ритмичность процессов определяли режим миграционных передвижений»), а можно лишь говорить «о подаче сигнала к началу кочевания для общинных структур внутри ассоциативной общины» (с. 153). Добавлю, что роль хана более весома. Он был не только подателем сигнала, но и гарантом установленного целесообразного порядка, предоставлявшего всем равные возможности прибытия на пастбища.

Большую теоретическую ценность имеет положение, что кочевое хозяйство создает все возможности для имущественной дифференциации (с. 174, 184). Это положение обосновывается данными, свидетельствующими о многообразии форм собственности (с. 176). Еще более важным аргументом служат факты, говорящие об обеднении большей части кочевников-казахов в XIX в. (с. 187). По материалам, на которые опирается автор, «от 60 до 90% всех номадов не имели необходимого минимума жизненных средств» (с. 190). «Отсутствие у абсолютного большинства кочевников-скотоводов необходимого минимума скота...» обуславливало «... многообразные формы зависимости трудящихся индивидов от класса богатых скотовладельцев» (с. 199). Хотелось бы установить, в какой степени цифры (факты), характерные для XIX в., могут быть распространены на предшествующие столетия. Отмечая разнообразие форм зависимости бедных от богатых, Н. Э. Масанов подчеркивает, что картина социальных взаимосвязей у кочевников была достаточно сложной: богатые, неспособные только своими силами поддерживать свое хозяйство и сохранять богатство, также зависели от бедных (с. 176 и далее).

Единой точки зрения на возможность образования классов в среде кочевников нет. По мнению одних исследователей, номады в своем социально-экономическом развитии в принципе не могли сделаться классовым обществом. Другие специалисты признают наличие классов у кочевников; Н. Э. Масанов причисляет себя к ним. «... Конечно же, не может быть и речи о равенстве всех номадов в ... обеспеченности скотом... Из самого характера труда, высокой степени его зависимости от знаний и опыта кочевника, вполне закономерно вытекало неравенство в степени обеспеченности скотом...» (с. 201—202). Эта дифференциация «носила всеобщий и универсально стабильный характер» (с. 202). «Именно на этой основе... происходило формирование класса зависимого населения...» (с. 206). «... Среди кочевников-казахов существовала значительная социальная прослойка (66,5—91,7% всего населения), которая фактически по своему социально-экономическому положению ... может быть обозначена в качестве зависимого класса непосредственных производителей» (с. 206). Отсутствие в среде номадов какой-либо классовой борьбы было обусловлено тем, что часть общества вымывалась из кочевого социума и оседала на его периферии. «Тем самым классовые противоречия никогда не доходили до обострения и всеобщего конфликта... Специфика кочевничества ... определяла мирное сосуществование различных классов» (с. 208—209). Эти выводы автора представляют собой важный вклад в теоретическое осмысление кочевничества и, несомненно, дадут толчок для дальнейших исследований — хотя бы потому, что рождают соблазн проверить заключения Масанова на других сведениях.

Хотя названием книги Н. Э. Масанов настраивает читателя на ознакомление с культурой казахов, он затронул практически все основные вопросы исследования кочевничества в целом, обнаружив глубокое знание предмета и литературы. При этом не все его суждения представляются достаточно обоснованными. Рассмотрим некоторые из спорных положений.

И сегодня возникновение кочевничества остается одной из наименее разработанных проблем. Какие причины заставили большие группы людей перейти от смешанного хозяйства, соединявшего в себе занятия земледелием, скотоводством и охотой, к экстенсивному скотоводству? Чаще всего ссылаются на усыхание климата, сделавшее затруднительным или невозможным земледелие в районах, где оно прежде практиковалось. Н. Э. Масанов, признавая, что сложный комплекс факторов обусловил генезис кочевничества, считает весьма важным обстоятельством и накопление знаний. По его мнению, в предшествующий кочевничеству период «уровень знаний был явно недостаточен для экологического освоения пустынно-степных пространств» (с. 33) и необходимый информационный минимум мог быть достигнут только на протяжении очень длительного исторического периода. «Многие тайны пастушеско-кочевой технологии передавались от отца к сыну... Нередко даже не все члены рода знали расположение колодезь...» (с. 34). Здесь явное преувеличение. При кочевом образе жизни, когда человек постоянно на виду у окружающих, вряд ли можно держать в секрете хозяйственные навыки. Человек мог не знать, где разрыть колодезь, при полукочевом укладе, если он не выезжал из селения далеко в степь или в пески. Но разве мыслимо, чтобы кочевник, многие годы, а то и всю жизнь перегонявший скот по степным просторам, не знал, где находятся водные источники на известной ему территории? Не удивительно, что автор ссылается здесь лишь на сведения о туркменах Ирана. В этнографии туркмен Туркменистана и казахов вряд ли можно выискать факты, подтверждающие сообщение о подобных «тайнах» скотовода. На стр. 34 читаем: «Для того, чтобы самому узнать о всех технологических аспектах функционирования системы материального производства и естественного-природных процессов, челове-

ку порою не хватало целой жизни...». Можно, конечно, сказать и так. Но следует и добавить, что минимуму производственных знаний, позволяющих содержать скот, был коллективным достоянием, доступным каждому степняку.

Вообще мнение, что тысячелетия назад скотовод не обладал необходимыми запасом знаний, невозможно доказать. Напротив, логика здравого смысла скорее располагает к заключению, что хозяйственного опыта и в древности было вполне достаточно, раз скотоводство не исчезало и развивалось из века в век. Скорее всего, значительная часть пустынно-степной зоны была освоена скотоводами и до появления кочевничества. Зная, где найти воду и траву, люди могли отгонять стада от селений на большие расстояния. Колодцы, сооружение которых требует лишь сноровки, а не особых технических ухищрений, могли быть в употреблении в степной зоне уже на заре скотоводства. Так что кочевничество возникло на территории, уже обжитой скотоводами, хорошо знавшими, куда, когда и почему надо перегонять скот.

Можно принять мысль автора, что занятие охотой помогло скотоводческим народам аридной зоны изучить особенности территории своей жизнедеятельности. Но утверждение, что «именно охота стала той ступенькой, которая обеспечила переход от пастушеского скотоводства к номадизму и одновременно стала способом освоения новой экологической ниши» (с. 35), выглядит странным. Охота издавна кормила человека и осталась важным источником пропитания и тогда, когда появилось скотоводство. Но скотовод не стал кочевником в IV, III или II тыс. до н. э., значит, причину возникновения номадизма надо искать не в охоте, а в чем-то другом. Н. Э. Масанову понравилась мысль В. Г. Мордковича, увидевшего в охоте акцию по «очищению экологической ниши от конкурентных видов диких копытных животных» в пользу домашних (с. 37). Но и это замечание невозможно подтвердить фактическим материалом. Все было проще. Степняки охотились, чтобы развлечься и добыть вкусную еду. Дикие животные и не мешали домашним, о чем свидетельствует сама история номадизма: прошло почти две тысячи лет, а номады все еще продолжали «очищать экологическую нишу» для своего скота. Так, у кимаков охота служила одним из основных средств существования. Ал-Джахиз (IX в.) отмечал, что «тюрки не испытывают удовольствия от пищи, если она не приготовлена из дичи». Ал-Масуди (X в.) писал, что тюрки не знают другого дела, кроме охоты. Двумя-тремя столетиями позже охота оставалась важным подспорьем в хозяйстве кыпчаков. А воины Тимура во время похода на Тохтамыша устроили по повелению владыки обильную охоту: «Попалось много дичи, что увеличило запасы продовольствия и мощь войскам». Как видим, оставалось всего два-три столетия до упадка номадизма, а дикие животные в изобилии заполняли «экологическую нишу». Воины Тимура даже выпустили на свободу тощих диких ослов. Нет, рассуждения об «очищении экологической ниши» далекие от реальной жизни степняков, не помогают понять причины возникновения кочевничества.

Вместе с тем о необходимом условии номадизма в книге сказано лишь вскользь. Я имею в виду транспорт, позволивший скотоводам передвигаться по необозримым пространствам со всем своим скарбом. Во II тыс. до н. э. от Греции до Китая быстро вошли в употребление легкие двухколесные боевые колесницы, влекаемые конями. Традиция запрягать коней в колесницы, видимо, сложилась в степях. Такие колесницы произвели подлинный технический переворот: скорость передвижения возросла примерно в 10 раз. Распространению этого новшества способствовали гигантские миграции арийцев. А навык ездить верхом на коне широко вошел в жизнь степняков в конце II тыс. до н. э. — практически одновременно с появлением кочевничества. За этим совпадением стоит прямая причинно-следственная связь. С домами на колесах, став всадником, скотовод смог сделаться кочевником. Роль верхового коня хорошо видна и на примере индейцев северо-американских прерий. Заимствование лошадей совершенно преобразило жизнь пеших охотников. Высказывалась мысль, что кочевниками их сделала не охота на бизонов, а необходимость смены пастбищ для лошадей. Конный транспорт облегчил скотоводам освоение новых территорий. В конце II тыс. до н. э. пастушеские племена впервые поднялись со своими стадами на горные пастбища Тянь-Шаня и Памира.

Некоторые суждения автора упрощают процесс развития культуры кочевников. Масанов полагает, что в середине I тыс. н. э. наступает переломный этап: формируется классическое кочевничество. Для этого этапа характерна «замена громоздких, тяжелых и плохо завьючиваемых предметов материальной культуры легкими и транспортабельными материалами (кожа, кошмы, дерево и т. п.)», поддающимися быстрой сборке и разборке (юрта, мебель и т. п.)» (с. 43). Однако пример с юртой неудачен. Автор утверждает: «К середине I тыс. н. э. кибиточная система кочевания на повозках достигает своего предельного развития и в течение последующего тысячелетия полностью истощивает свой потенциал и отмирает» (с. 45). Но это суждение противоречит сообщениям Рубрука, Плано Карпини (XIII в.), Ибн Батуты (XIV в.), из которых следует, что кибитки на повозках были в очень широком употреблении много позже указанной даты. У ногайцев жилище на повозке было распространено и в XVI—XVII вв. Смена типа жилища была очень длительным процессом, который не может быть сведен к «переломному этапу» в середине I тыс. К этому же этапу Масанов относит и «широкое распространение кожи, шерстоваляльных и других новых сырьевых материалов» (с. 45). Но изображения скифов показывают кожаную одежду; кожаные сосуды найдены в Пазырыкских курганах; скифские дома на повозках покрывались войлоком, значит, производство войлока было уже налажено. Чем историк может подтвердить мнение, что у ранних кочевников кожа и войлок применялись в быту не столь широко, как у древних тюрок?

Масанов прав, утверждая, что шел процесс приспособления материальной культуры номадов к подвижному образу жизни. (В частности, со временем кочевники перестали делать керамику. Но это случилось не в середине I тыс. н. э., а много позже. И гузы, и печенеги еще изготавливали керамику). Но это лишь одна сторона процесса. Одновременно набирала силу и другая тенденция — рост интереса кочевников к предметам, изготовленным в центрах оседлой жизни. Ради этих вещей в кочевом государстве Чингисхана создавались города и процветала международная торговля.

Указания Масанова на середину I тыс. н. э. связаны с его убеждением, что в это время «становление классического номадизма в Центральной Азии [в этот регион, согласно новой моде, включен и Казахстан.— В. Б.]... привело к возрастанию роли кочевников в судьбах народов Евразии..., коренному преобразованию этнополитической карты ойкумены» (с. 43). Да, видимо, в I тыс. сложились основные черты «классического номадизма», но преобразования шли постепенно, их нельзя приурочить лишь к середине I тыс. н. э. Влияние кочевников на судьбы других народов проявлялось и в более ранний период; скифы прогнали из Причерноморья киммерийцев; «великое переселение народов» с движением гуннов началось еще до середины I тыс. н. э.

Еще один упрек автору интересной книги связан с его недооценкой роли внеэкономического принуждения в кочевой среде (см., например, с. 223: «при минимальном значении внеэкономических форм отчуждения»). Между тем, вооруженный грабеж обычно сопровождал жизнь кочевника. История кочевников — это история беспрестанных войн ради новых пастбищ и добычи. Великая Китайская стена — убедительное свидетельство важной роли внеэкономического принуждения как средства жизнеобеспечения у кочевников. Завоевание мира с целью обогащения стало государственной задачей в державе Чингисхана. Грабительские войны, в конце концов, погубившие ее, вела Золотая Орда. Добавим к этому и разбойничьи набеги туркмен на персов, и знаменитую барымту, нарушавшую покой казахских степей еще в XIX в.

Вопроса о внеэкономическом принуждении Н. Э. Масанов касается, рассматривая изменения в жизни казахов в XIX в. По его мнению, «в составе Российского государства произошло значительное возрастание внеэкономических форм эксплуатации казахского кочевого населения как посредством налоговой системы, так и посредством многочисленных злоупотреблений со стороны должностных лиц и государственных чиновников» (с. 229). Оставим на совести автора его веру в то, что «прежде разного рода сборы и подати... в пользу казахских ханов... были незначительны, нерегулярны и носили скорее добровольный характер...» (с. 228). Но что касается налогов, то их действительное значение следует понимать иначе. Налоги были платой за защиту казахов от внеэкономической эксплуатации, которую несли с собой вторжения внешнего врага, отнимавшего накопленное добро, разорявшего хозяйство, уничтожавшего людей. Казахи на трагическом опыте (набеги джунгаров) познали, сколь губительна для самой жизни народа незащищенность от грабительских нашествий. Поэтому в казахской среде и вызрели устремления к России, поиски российского подданства. Гибель людей и скота в условиях постоянной борьбы с захватчиками и внутренних усобиц — это бремя, несопоставимое с налогами. Не случайно казахи в XIX — начале XX вв. в мирной обстановке относительного общественного порядка, обеспеченного Российским государством, постоянно росли в числе.

Признавая, что у кочевников были классы и разные формы эксплуатации, Масанов в применении понятия «феодальные отношения» к кочевой среде видит идеологическое наследие командно-административной системы (с. 221). Вместо этого он предлагает определять номадизм как «специфический способ производства в рамках аграрной цивилизации». По его мнению, «при таком понимании уровня стадияльного развития кочевничества... отпадает необходимость в подгонке реалий номадного способа производства к идеальной модели „феодализма“ либо иного „классического“ способа производства...» (с. 224). Однако здесь Масанов упрощает процесс научных поисков, шедший годы назад. Попытки найти место кочевничеству в формационной шкале вызваны логикой научного исследования, а не «декретированным характером практически всех научных дефиниций в условиях тоталитарной модели управления...» и т. д. (с. 221). Сам же Масанов замечает, что и некоторые зарубежные ученые «широко пользуются методами и критериями формационного анализа» (с. 220). Почему гипотеза о феодальных отношениях в кочевой среде должна столь решительно отторгаться? Указания на семью, общину, «патронимико», рабство у кочевников неприятия не вызывают, хотя всем ясно, что эти явления имели у кочевых народов свой облик. Конечно, и феодальная зависимость у кочевников не могла быть такой же, как в средневековой Франции. Предложив видеть в номадизме «специфический способ производства», Масанов не решил вопрос, а лишь дипломатично ушел в сторону. Между тем, от проблемы кочевого феодализма нельзя просто отмахнуться. Нельзя не замечать работ российских исследователей о Золотой Орде, в которых сохраняется обоснованная фактическими данными точка зрения на феодальный характер зависимости рядовых кочевников от аристократов, владельцев улусов. Позволю себе привести выдержку из недавней книги Г. А. Федорова-Давыдова: «Возвышение Темучина, который принял титул Чингиз-хана, и объединение всех монгольских племен под властью его дома означало создание нового строя, который не мог быть никаким другим, кроме как феодальным. Перераспределение пастбищ среди новой аристократии было ломкой старой патриархально-племенной структуры и означало сложение новых феодальных отношений в среде монголов»¹. Представляется, что разработка проблемы феодальных отношений в кочевом обществе является реальной научной задачей и еще не раз будет предметом обсуждения.

Ряд спорных положений в книге Н. Э. Масанова нисколько не умаляет важного научного значения этой хорошей работы. Было бы странным, если такое масштабное исследование, охватившее самые разные стороны сложного исторического явления, не вызвало бы желания специалистов высказать иные, чем у его автора, мнения. Книга Н. Э. Масанова — заметное событие в нашей науке; она по праву встанет в один ряд с самыми крупными работами по кочевниковедению.

Примечание

¹ Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 5.